

Ульяна Соболева

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПОКА СМЕРТЬ
НЕ ОБРУЧИТ НАС 2

Клятва

Ульяна Соболева

Пока смерть не обручит нас – 2

«Автор»

2019

Соболева У. П.

Пока смерть не обручит нас – 2 / У. П. Соболева — «Автор»,
2019 — (Клятва)

Языки пламени поднимаются все выше и выше, и я вижу сквозь них лицо герцога, лицо моего персонального дьявола. Вот и свершилась его мечта – Элизабет Блэр горит в огне, он ее уничтожил. И мне уже не страшно, мне невыносимо больно понимать, что я умираю от его рук. По щекам катятся слезы... разве там, в другом мире он не подписал мне точно такой же приговор, разве там он не поставил размашистую роспись и не казнил меня так же безжалостно, как и здесь? В оформлении обложки использованы фотографии авторов Anetta (Anette Romanenko) и Fotolit2 (Evgeniia Litovchenko) с сайта Depositphotos. Содержит нецензурную брань.

© Соболева У. П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ульяна Соболева

Пока смерть не обручит нас – 2

Глава 1

Тучи превратились в черные клубы дыма, а зигзаги молний, как ослепительные языки пламени, лизали небо. То ли разжигая стихию все сильнее, то ли споря с ней в своей силе. Внутри меня разразилась точно такая же... меня лизали изнутри такие же огненные языки сумасшествия и ярости, смешанной с отчаянием. Никогда в жизни я не испытывал такого разрывающего чувства безысходности. Даже когда горел мой Адор, когда никого в живых не осталось, и я пришел в лепрозорий голодный и готовый сдохнуть среди несчастных, обреченных на страшную смерть. Но тогда я знал, с кем воюю, знал, откуда пришла смерть, и не боялся ее оскала. А сейчас она поселилась во мне и собралась отнять Элизабет моими руками.

Я влил в себя столько вина, что казалось уже не должен ничего соображать, но голова оставалась ясной, а внутри происходила война, апокалипсис с несовместимыми с жизнью разрушениями. Я весь разламывался на осколки, и эти осколки осыпались к моим ногам. Жалкий идиот, ступивший в болото собственными ногами. Какими силами ада я проклят и обречен любить эту суку? Рядом со мной одна из красивейших женщин Королевства, и она готова стоять на коленях, вымаливая у меня хоть крупицу благосклонности, а я? А я стою на коленях перед ведьмой Блэр и вымаливаю эти крупички у нее. Вымаливаю, отдираю с мясом, заставляю. Да что угодно, лишь бы быть с ней рядом.

Внизу зудит толпа, как разворошенный улей, как гнездо, кишашее змеями. Они предвкушали ЕЕ смерть. А я не мог быть тем, кем являлся до того, как приволок ее в свой замок. Бескомпромиссным и жестоким, кровавым герцогом Ламбертом. Так меня называли. Кровавый Морган. Мою женщину собирались сжечь. Там внизу на шатком эшафоте, привязать к столбу и превратить в кучку пепла все то, что являлось смыслом моей жизни.

Я потерял слишком много, я так долго жил без веры в завтрашний день, я так пропитался ненавистью и жадной мести, что она, та, кого я так яростно презирал, стала этим самым смыслом... Наверное, потому что она была единственной, кого я любил. Единственной живой из всех, к кому я испытывал это чувство, и, пожалуй, к ней оно было самым жгучим и безжалостным. И все... все вокруг стали в этот момент врагами. Они собирались отнять ЕЕ у меня. Но сильнее всех я ненавидел саму Элизабет. Ненавидел за то, кем она являлась, ненавидел за то, что об этом прознал король, и ненавидел за то, что люблю ее.

Тучи приближались, закрывая собой макушки елей, напозали на Адор, как и тьма в мою душу. Сжимаю горлышко бутылки и заставляю себя снова и снова слышать это проклятое имя ее голосом «Мишааа». А потом ее ядовитое «люблю» не мне... а ему. Какому-то ублюдку из ее прошлого, какому-то блэрскому проходимцу или...или монаху. Кто он? Это он научил ее всему? Он трогал ее тело? Его она ублажала, стоя на коленях, он научил ее губы так искусно... ооо, мать вашу, я сейчас сдохну, представляя ее с другим безликим любовником. И девственная плева ни черта не стоит, ведь предаваться разврату можно как угодно.

От одной мысли об этом я рычал и бил кулаками о железные решетки, сбивая в кровь костяшки пальцев. Найду тварь и буду резать на куски. А потом подарю ей каждый из этих кусков. Пусть гниют прямо в ее спальне и покрываются червями! Мне казалось, что там из черных туч на меня смотрит сам дьявол и смеется оскаленным ртом надо мной и над моим безумием.

Пусть все это закончится сегодня! Пусть все сгорит и закончится!

Внизу раздался грохот, и бревна покатались по земле, их снова собрали и сложили вокруг эшафота. В дверь постучали.

– Все вон! – рыкнул я и сделал несколько глотков из бутылки, чувствуя, как хочется спуститься вниз и сжечь всех тех, кто складывают там это пристанище смерти для нее.

– Его Величество велел просить вас расписаться на приговоре.

– Заходи. Положи на стол и убирайся!

И ни черта я не могу сейчас. Какая сука выдала тайну? Какая тварь рассказала Карлу об Элизабет? Ведь никто не знал. Только Гортран. Если он предал меня, я не пощажу его. Проклятый дядя, он знает, что я не могу отказаться, знает, что от меня все ждут этой подписи, ждут моего вердикта. Каждый из этих людей внизу хочет и жаждет мести. Не получил ее и решил уничтожить, чтобы утереть мне нос. Ведь я не уступил и не отдал ему то, что он захотел. Гортран был прав.

Передо мной лежит пергамент и перо с чернилами, а я все так же смотрю на тучи, прозываемые огненными нитями.

– Убирайся, не стой над душой. Подпишу и сам отдам. Пшел вон!

Буквы пляшут перед глазами, и перо хрустит между пальцами...

Спустился к ней вниз... Не знаю зачем, не знаю, в какой дьявольской надежде и на что. Красивая, ядовитая гадина, поработившая меня настолько, что я сам на себя уже не похож и не знаю, являюсь ли теперь собою. Что это, если не чары? Может, все правы: Элизабет Блэр – ведьма. Или я нахожу оправдание своему предательству, своей страсти к дочери убийцы моей матери, брата и сестры, к дочери того, кто истребил почти весь мой народ, и сейчас... ее руками пытается завершить начатое. Кто он, если не сам Сатана, а она не дочь исчадия ада? Какими адскими силами из всех женщин мира я выбрал именно ее?

Как ангел... во всем белом, испачканная грязью, кровью, растрепанная с засохшими слезами на щеках. И сердце сжимается от невыносимой любви к ней.

Бросилась ко мне. А как же иначе? Жить-то хочется. И мне хочется. Смотрю на нее и понимаю, что в этой хрупкой девчонке заключается моя жизнь и моя смерть. И в глазах зеленых мое лицо отражается, искаженное болью. И я понимаю, что готов ради нее на все... пусть только скажет, пусть солжет мне, пусть пообещает то, чего я так долго не ведал. Пусть скажет, кто такой этот Миша... пусть назовет этим именем собаку, слугу, нерожденного брата, коня, крысу. Пусть убедит меня в какой-то самой абсурдной легенде.

Дернул ее к себе, заставляя всем телом прижаться к клетке.

– Скажи мне сейчас, кто такой Миша? Кто он тебе?

Встретилась со мной взглядом, и я замер, окаменел в надежде... чтобы уже через секунду ощутить, как разрывается в разочаровании сердце, когда услышал ее ответ:

– Мой муж...

Прошептала, едва шевеля губами, и раскаты грома гремят у меня внутри.

– Твой кто?

Сдавливая ее плечи в невыносимом желании сломать ей кости, раздавить до того, как вынесет мне приговор, до того, как нанесет мне еще одну смертельную рану.

– Мужчина, – поправила саму себя, – мой мужчина.

– Любишь его?

Сорвалось само собой, сорвалось и замерло в раскаленном воздухе, оглушая воцарившейся тишиной.

– Любишь? Отвечай, Элизабет... не молчи!

– Люблю, – выдохнула, и я разжал пальцы, чувствуя, как все тело скрутило от боли и от желания сдохнуть за несколько секунд до ее ответа... Но я не сдох. Я слышал...

«Люблю»

– Будь ты проклята, Элизабет Блэр! – и расписался на приговоре. Размашисто, жирно, так, что чуть не продырявил пером насквозь.

Сгреб пергамент и сдвинул в кулаке. Вот и все. Все закончится прямо сейчас. Внизу раздались крики толпы, она загудела еще сильнее, громче.

Я все еще держал пергамент в руках, пока смотрел, как ее тащат к эшафоту, как привязывают к столбу. Она в белом... Грязная невинность. Как символично. Яркое пятно на фоне ураганных сумерек. Тучи нависли над Адором. Сухая гроза, без капель дождя. Разверзшийся над головами Ад. И люди крестятся, глядя на небо. Они сгребают комья грязи и швыряют в нее, осыпая проклятиями! Их ненависть настолько сильна, что я ощущаю ее почти физически, она такая же горячая и жгучая, как пламя.

И я... я мысленно крещусь, глядя на нее и понимая, что создал себе из грязи и лжи свою собственную икону и молюсь, чтобы стать атеистом.

Под кожей вспышки адские, невыносимые, как будто я сам уже горю давно на костре. Мои кости плаваются... мясо горит и съеживается в языках пламени. Эта казнь для нас обоих. И я не знаю, что лучше – стоять у столба или здесь, на трибуне, рядом с теми, кто жаждет ее смерти. Как же мне хочется убить их всех.

Элизабет дергается на веревках, впившихся в ее нежное тело, а мне чудится, что они впились мне в кожу. Смотрит мне в глаза, она делает это намеренно, словно вцепилась в меня этим ведьминским взглядом и не отпускает, словно тянет меня в самую бездну сумасшествия, похожую на черный туннель.

И мне кажется, я вижу, как она тянет ко мне руки в белых перчатках, и я сжимаю ее пальцы, а она улыбается мне, и прозрачная фата развеивается на ветру, и в воздухе кружатся лепестки роз.

– Ты не пожалеешь? – ее голос такой нежный, ласкающий. И я ощущаю в этот момент раздирающие спазмы счастья. Они настолько сильные, что мне хочется орать от этих бешеных эмоций.

– О чем? О том, что люблю тебя?

– О том, что я... я ведь не такая. Я не для тебя.

– Ты больше, чем для меня. Ты под меня, ты точь-в-точь по мне. Моя, понимаешь?

– Твоя... я только твоя, Морган.

Тряхнул головой и стиснул челюсти, понимая, что видел лишь то, что нарисовало мое воспаленное и истерзанное воображение, а послевкусие осталось, и ее слова трепещут в груди, как крылья обожженной бабочки бьются о стекло, пока я не рассыпаюсь на осколки в очередной раз. И все же это действительно конец... но не такой, каким я его видел еще несколько секунд. Это реально конец всему, потому что Элизабет Блэр МОЯ! Да, она МОЯ. И никто! Ни одна тварь не имеет права вынести ей приговор, кроме меня! Казни не будет... Будет война!

Осознал и дернулся всем телом. Мое собственное небо внутри упало на землю, и поднялся вихрь черного марева, сметающего все доводы рассудка на своем пути.

МОЯЯЯЯ! Взревело внутри жадное чудовище, готовое залить кровью эту землю... кровью тех, кто посмеет поднять на нее руку или меч. НЕ ОТДАМ!

Осмотрелся по сторонам, бросил взгляд на Гортрана, затем на сэра Чарльза. Затем на стражу Карла. Скольких мы сможем убить, скольким сможем снести головы, прежде чем разразится бойня? Я у себя дома. Я могу уничтожить всех. Даже короля.

Гортран побледнел и стиснул челюсти, я продолжал смотреть на него в упор, пока он не кивнул, показывая мне, что готов за меня умереть. Я перевел взгляд на сэра Чарльза и тот выпрямил спину, положив руку на рукоять меча. За ним несколько десятков моих людей, все они отдадут за меня свою жизнь.

Одно мое слово, и начнется восстание против короля и против моего народа. И одному дьяволу известно, чем оно обернется для нас с Элизабет и для Адора. Одно мое слово... Если я его произнесу.... Палач поджег хворост, языки пламени лизнули подножие эшафота, и я вижу сквозь дым ее лицо, слезы, текущие по щекам. В воздухе пахнет гарью, и пепел взметнулся с порывом ветра вверх.

Я со свистом втянул раскаленный воздух так, что заболели ребра, и громко взревел:

– Никакой казни не будет! Тушите костер! Именем герцога Моргана Ламберта!

Перевел взгляд на Карла, глаза которого округлились, и разорвал пергамент на мелкие клочки.

Глава 2

Карл медленно встал со своего кресла.

– Я приказал казнить ведьму! Ты хочешь мой приказ отменить? Как ты смеешь?!

– Я уже его отменил! – дерзко, склонив голову к плечу и глядя на дядю.

Глаза Карла сверкают яростью, но он знает, что против меня сейчас пойти не сможет. Знает, что с ним всего лишь его свита, а они ничто против моей армии.

– Уверен, что хочешь этого, Морган?

Губы сжались в тонкую линию, и по краям пенится слюна. Как всегда, когда он взбешён и пытается сдержать свою ярость. Но сила не на его стороне. Не сегодня и не сейчас. Нас слышит лишь узкий круг людей. Моя охрана и его, а так же моя жена. Внизу царит гробовая тишина, огонь потушен. Люди еще не знают, что делать, не знают, как отреагировать на то, что мои солдаты ведрами с водой затушили пламя. Они понимали, что сейчас происходит нечто более важное, чем казнь ведьмы. Они смотрели на нас. Пусть и не слышали, о чем мы говорим. Все головы были подняты и лица обращены к балкону, где вершилась судьба Адора. И я не до конца осознавал, какой именно она будет после этого дня.

– Я уверен, что в Адоре мне решать – кому жить и кому умирать, а самое главное, когда.

Дядя криво усмехнулся, продолжая смотреть мне в глаза.

– Из-за шлюхи, Морган? Из-за потаскушки Блэр, отец которой истребил весь твой род, убивал и грабил твой народ, распространил страшную болезнь, от которой умерла вся твоя семья... Ради нее ты предаешь меня? Ради того, что у этой дряни между ног? Ты в своем уме, племянник?

Я слышал, как всхлипнула Агнес, но мне было насрать. Я не навязывался к ней в мужья и не клялся ей в вечной любви. Она знала, что из себя представляет наш брак. Пусть слушает, если выбрала сидеть по правую руку от меня и не ушла, когда подобало уйти и оставить нас с королем наедине.

– Не из-за шлюхи, Карл!

Короля передёрнуло от того, что я не сказал сакраментального «Ваше Величество».

– Адор принадлежит мне, и только я принимаю здесь решения. Только я могу отдавать приказ об аресте кого бы то ни было. Ты ворвался в мои покои, ты тронул то, что я считаю своим.

Ухмылка так и не сползает с губ монарха, и я знаю, о чем он думает, прикидывает – позволят ли ему покинуть Адор, или он может не уйти отсюда живым. Я буквально слышу, как работает его мозг, как он раскаляется от мыслей, снующих там и пугающих своей жестокостью.

– Черт с ней, с ведьмой, – бросил он, – плевать. Надеюсь, ты понимаешь, что твой народ жаждет ее смерти праведно и справедливо жаждет. Что ты скажешь им? Что скажешь своим людям, которые годами хоронили своих близких из-за Блэров?

– Оставь мой народ мне, дядя. Займись своим.

– До сих пор ты прислушивался к моим советам.

– До сих пор ты не трогал то, что принадлежит мне.

– Ты о шлюхе?

– Я обо всем!

Да, не выйдет замать и отобрать себе рудники. Ничего теперь уже не выйдет. Карточный домик нашего мира только что начал рассыпаться, и я дернул первую карту с самого низа, прекрасно зная, что теперь он рухнет. Я готов разгрести последствия, какими бы они ни были.

– Мы, кажется, пришли с тобой к единому мнению.

– Ты пришел, но не я. Рудники тоже принадлежат мне, как и Блэр!

Карл осмотрелся по сторонам и кивнул своей свите, те повставали с мест.

– Мы покидаем Адор. Все остальное обсудим при следующей встрече, когда страсти улягутся, и ты, возможно, начнешь соображать головой, племянник... а не членом!

– Адор и Блэр принадлежат мне! Мои люди принадлежат мне, мои рудники принадлежат мне, и моя олла принадлежит мне! И чем бы я не соображал, Карл, это останется неизменным!

– Ничего неизменного в твоей жизни нет, Морган. Ты – не король! Ты мой подданный. И я могу перестать делать скидку на наше родство и объявить тебя вне закона!

– Можешь, – теперь уже ухмыльнулся я, – но на данный момент, дядя, ты в моем замке, а я единственный твой наследник. Сколько с тобой человек, не считая своры собачонок-жополизов? Ты уверен, что хочешь моей коронации так скоро?

– Ты мне угрожаешь?!

– Всего лишь констатирую факт своего наследия, если ты о нем подзабыл. Всего лишь освежаю твою память.

– Я не намерен это обсуждать здесь и сейчас. Продолжим в ином тоне и при другой обстановке. Вели своим конюхам седлать и запрягать моих лошадей. Нам больше нечего здесь делать!

Уходит от разговора. Трусливая жирная крыса. Испугался. Хочет сбежать, чтобы отдавать приказы из своего дворца. Приказы, которые могут стереть Адор с лица земли.

– Я хочу, чтобы решение было принято здесь и сейчас.

Кивнул Чарльзу, и воины стали в шеренгу, преграждая выход с балкона.

– Какое решение?!

– Ты подпишешь два приказа. Первый о том, что рудники принадлежат мне, как и Блэр. Ты отрекаешься от любых претензий на них. А второй о помиловании Элизабет Блэр.

– Ты пожалеешь об этом!

– Объявишь мне войну? За эти годы Адор вырос, дядя, трижды подумай, а стоит ли оно того? Твоя оскорбленная гордость твоей жизни!

Внезапно снизу раздался крик, и я вздрогнул от неожиданности:

– Если герцог не желает сжечь ведьму, мы сделаем это сами! Поджигай!

– Дааа!

– Сжечь! Сжечь! Сжечь!

Король расхохотался, запрокинув голову.

– Иди! Повоююй со своим народом. А потом я подпишу приказы! Я даже готов подождать тебя здесь!

– Подпишешь сейчас! Или не выйдешь отсюда живым! – прошипел я и, выхватив меч, направил ему в грудь. – Дайте пергамент Его Величеству! Он торопится!

Пока что толпу сдерживает стража внизу, я слышал, что там развязалась борьба, и не сводил взгляда с Карла, который медленно и вальяжно подошел к столу, сел в кресло и подвинул к себе бумагу. А у меня дрожит рука и нервы натянуты до предела. Я до безумия хочу отрубить ему башку и ринуться вниз... Но это было бы слишком глупо.

– Живее!

– Ты понимаешь, что я этого никогда не прощу?

– Думаешь, я приду к тебе покаяться? Так ты вроде не епископ!

Толпа взревела громче, яростней, гул смешивался с раскатами грома, я слышал крики и сильнее сжимал челюсти в борьбе с самим собой, чтобы не выскочить на балкон и не посмотреть, что там происходит.

– Гориит! Ведьма наконец-то гориит!

Стиснул челюсти до хруста так, что свело скулы, глядя, как Карл ставит подпись на первом пергаменте и не спеша протянул мне.

– Что ж ты не спасаешь свою ведьму? Давай, бросайся в огонь! Пока я подпишу – от нее один пепел останется! – засмеялся король, не торопясь выводя буквы.

– Живее, я сказал! – а у самого пот по спине градом катится, и я слушаю, что там происходит, и от одной мысли, что могу опоздать, скручивается в узел желудок. Но без этой бумажки мне ее не спасти. Мой приказ ничто против приказа короля. – Сгорит она – умрешь и ты!

– Станешь цареубийцей, Морган? Из-за девки?

– Стану королем, или думаешь, я не смогу всем закрыть рты?

Раздались раскаты грома прямо над нами, и я услышал, как забарабанил ливень, обрушился стеной на Адор с такой силой, что замок окутало, как туманом.

– Дождь! Она наслала дождь!

– Ведьмааа! Огонь гаснет!

Вырвал пергамент из-под рук короля.

– Вы свободны, Ваше Величество. Далее в Адоре вас никто не задерживает! – и издевательски склонился в поклоне.

– Клянусь, ты об этом пожалеешь!

Глава 3

Все это время она стояла там у столба. Дрожащая, мокрая, в полном неведении, что с ней будет дальше. Я кивнул Чарльзу, и тот понял меня без слов.

– Куда увести, Ваше Сиятельство?

– Пока что в темницу. Там безопасней будет, а там посмотрим. Глашатаго ко мне позови. Немедленно!

– Уже стоит за дверью. Ожидает.

– Усилить охрану замка. Выставить дозор по периметру.

– Понял.

– Выполняй.

Он вошел в мои покои весь мокрый, с дрожащим подбородком, и я протянул ему приказ, подписанный королем.

– Зачитаешь его перед толпой. В краске и в цвете. Если мне что-то не понравится, я тебя там сожгу, ясно?

– Д-д-да, Ваша Светлость!

– Иди!

Подожел к окну и отодвинул тяжелую штору, глядя на эшафот и на связанную Элизабет. За горло словно тисками схватили. Она голову подняла и на дождь смотрит, на небо. Промокшая насквозь, такая маленькая, худенькая, стянутая веревками посреди обугленного хвороста. Захотелось пыхнуть огнем на всю толпу, собравшихся внизу. Спалить к дьяволу за то, что посмели желать ей смерти.

– Внимание, жители Адора! Эта женщина не является Элизабет Блэр. Произошла ошибка. Ведьму уже настигла Божья кара. Именем короля подписан приказ о помиловании.

– Ложь!

– Как же так? То она, то не она?

– Мы не дураки!

– Блэр это! Я ее в лицо знаю!

– Конечно, Блэр! И дождь она наслала, чтоб огонь погасить!

– Простые смертные такими красивыми не бывают! Ведьмаааа!

Не бывают, и это немыслимо, как ей удавалось оставаться настолько ослепительной, будучи униженной, связанной и напуганной. Что даже там, на костре, под проливным ливнем Элизабет Блэр притягивала к себе взгляды и заставляла всех смотреть только на нее, сгорая от ненависти и восхищения.

– Приказы короля не обсуждаются! Покиньте площадь и займитесь своими делами! Элизабет Блэр уже была сожжена на этой площади!

– Не была! Мы знаем, что там была другая! Знаееем! Люди не идиоты!

– Герцог хочет трахать ее! Она его окрутила, вот почему!

Я сжавил руки в кулаки, продолжая смотреть, как Элизабет отвязывают от столба, набрасывают ей на плечи накидку и уводят под стражей, и я всем телом ощущаю, как меня размывает на куски, я своим разумом больным понимаю, что не могу отступить от ведьмы этой. И ненависть моя к ней больная, на любовь похожая, то ли любовь похожая на ненависть. Она там горела минуты, а я поджариваюсь каждый день. Нескончаемо.

Да, был соблазн превратить всю эту одержимость в пепел, но это ведь ничего не изменит. Даже если ее не станет, я продолжу корчиться в адовых муках, помноженных на боль от ее потери. Вот и послан к черту народ, честь, совесть, память. Все полетело в бездну. Она моя олла, а я на коленях. Проигравший изначально каждую бойню и опустивший голову к ее

маленьким ступням. Если бы она знала об этом, то втоптала бы мое лицо в грязь или размозжила об камни своей ненависти ко мне.

– Вы ведь знаете, что теперь будет.

– Могу предполагать.

– Она начнется рано или поздно.

– Начнется. Я знаю.

Задернул шторы и вернулся к столу, осушил кубок и поставил на стол, избегая смотреть Гортрану в лицо.

– Но пока что у нас мир. Усиль охрану замка, отправь в дозор в два раза больше людей.

Пусть патрулируют город утром, вечером и ночью. Охрану к мосту и разведку на границу.

– Карл хитер. Он ударит тогда, когда мы не будем ожидать.

– Либо не ударит совсем.

– Я бы на это не рассчитывал.

Гортран стал напротив меня и сложил руки на груди. Он был бледен, и под глазами виднелись черные круги. Не спал. Знал, что что-то сегодня произойдет.

– Что ты предлагаешь?

Советник усмехнулся и отвел взгляд. Теперь он смотрел на огонь.

– То, что я предлагал, вы не сделали. – резко обернулся ко мне. – Если бы она сгорела, все проблемы решились бы!

– Какие? Король отрекся бы от рудников? Или забыл бы, что у меня все права наследия трона? Горючая смесь и огонь поблизости, рано или поздно оно бы рвануло.

– Адор бы окреп, и люди были бы на вашей стороне!

– Они и так на моей стороне!

– Нет! Люди возмущены, напуганы, настроены против вас.

Я обернулся к советнику и облокотился на стол одной рукой.

– Я хочу, чтобы все, кто говорили, что узнали ее, были мертвы.

Гортран побледнел еще сильнее.

– Думаете, никто не поймет, что им закрыли рты?

– Не надо много думать. Делай, что я сказал!

– Хотите держать их в страхе, да? Вот ваша стратегия?

Каждое его слово, как пощечина или удар под ребра. Настолько сильные, что меня чуть ли не швыряло от каждого из них. Потому что прав, потому что, ДА, я закрывал рты. Засыпать землей всех, кто мог причинить ей зло. Прямо или косвенно.

– Страх – это прекрасный стимулятор. Страх держит в узде самых борзых и сковывает яйца самым смелым. И не важно какой именно страх. За себя или ближнего. Едва они поймут, что, если слишком много говорить, можно остаться без языка или без головы – слухи стихнут.

– Или народ восстанет!

– У меня есть армия – я подавлю восстание!

Говорил и чувствовал отвращение сам к себе. Ради чего? Ради кого? Ради сучки, которая даже ни разу не улыбнулась мне, не посмотрела с одобрением. Ради сучки, которая меня ненавидит и любит другого! Ради нее я убиваю свой народ и развязал войну с Карлом.

В какой уже раз спускался к ней в подвал, спускался и ощущал, что трясет всего от предвкушения встречи. Отпустил стражника и подошел к клетке, глядя ей в глаза. Мокрая, босая, со спутанными волосами и невозможно прекрасная. Свернуть бы ей за это шею. Встала

с соломы и смотрит на меня... в глазах застыли боль и слезы. Я подошел еще ближе, слыша, как бьется собственное сердце.

– Король помиловал тебя.

– Я слышала.

Ответила глухо, но ко мне не идет. Стоит там у стены такая же гордая, неприступная, чужая. Как же низко я пал, если пришел сюда... Зачем? Не знаю. Наверное, просто увидеть ее, убедиться, что живая, что не сгорела.

– Зря! – прохрипела она. – Надо было сжечь!

Щелкнул замком, открывая клетку, и шагнул к ней, хватая за руки и сдавливая ледяные запястья горячими ладонями. Вблизи ее глаза такие огромные, кристально-чистые светло-зеленые, как весенняя листва на рассвете. Не зря! Вытащу ее отсюда, спрячу подальше от глаз людских. Не отдам никому. Моя она. Мне обещана и моей ей быть до самой смерти. Возможно, моей. Ведь ее убить я не смог и вряд ли смогу.

– А как же твой Миша? Если сдохнешь, то не увидишь его!

И каждое собственное слово полосует по сердцу, будоражит, сводит с ума.

– Кто знает... может, именно смерть обручит меня с ним.

Сказала так обреченно и печально, что я задохнулся. Впечатал ее в стену изо всех сил, сдавливая хрупкие плечи, схватил за горло пятерней.

– Значит, ты не сдохнешь никогда! Замурую! Закую в цепи! В клетку посажу! Но ты будешь жить! Потому что мне принадлежишь!

– Принадлежу... тебе, – согласно ответила, и на глаза слезы навернулись, разлив меня еще больше, как будто сожалеет о том, что принадлежит, как будто вся ее ненависть стала адской грустью, выматывающей мне нервы.

Не удержался, впился в ее мокрый рот губами. Изголодавшийся, растерзанный казнью этой, ревностью к неизвестному любовнику. Выдыхая ей в горло судорожно, сдавливая ей шею.

– Я сам... убью тебя сам... потом, – кусая нижнюю губу, затем верхнюю, – кожу сниму лоскутками, чтоб мучилась дольше. Изуродую тебя... превращу в чудовище... ты даже не представляешь, какие муки ада я для тебя придумаю... Элизабееет.

Вдавил ее в стену, распластал собой по холодному камню, причиняя боль и согревая своим жаром. У меня как будто лихорадка и в голове мутно. Я слишком испугался, что она сгорит, и сейчас мне нужна была ее плоть, убедиться в том, что живая, наказать за мой страх и мою ревность. Попыталась вырваться, но я развернул ее спиной к себе и впечатал обратно в камень. Злой, растерянный, опустошенный пониманием, что творю из-за нее. В каком-то диком припадке нестерпимой жажды.

Задрал мокрое платье вверх, на талию, приподнимая ее ногу, пристраиваясь сзади, одной рукой сдавливая грудь, а другой доставая вздыбленный член, направляя в нее, чтобы одним толчком войти в ее тело. Застонала, закрывая глаза. Не сопротивляется, но и не отвечает. Ну и пусть. Плевать. Меня это не волнует. За жизнь надо платить... пусть платит мне своим телом. К черту ее душу. Пусть дарит ее своему проклятому Мише, который все равно ее не получит.

Вцепился зубами в нежный затылок, чувствуя, как бьет в нос запах мокрых волос и костра, как она пахнет моим безумием.

– Еще раз..., – толкаясь все сильнее и быстрее, – еще раз вспомнишь о нем вслух... пожалеешь.

Глубоко, яростно, спуская вниз мокрую ткань с груди, сдавливая голое полушарие, чувствуя острый сосок, упирающийся в ладонь. И мой член становится еще тверже, и возбуждение граничит с сумасшествием и с болью.

– Пожалее, – вторит мне, и с губ срывается стон, а я накрываю ей рот ладонью, чтобы ничего не сказала, чтоб не нанесла еще один удар. Яростно трахаю ее тело все быстрее и быстрее. Только наслаждение граничит с пыткой. А Элизабет голову запрокинула и глаза мокрые то

ли от слез, то ли от дождя закрыла, и я чувствую, как ее плоть сжимает мой член сначала легкими судорогами по нарастающей, и первобытная похоть глушит все мысли. Плачет по нем и кончает со мной! Развернуть лицо к себе, наброситься на ее рот, сдирая стоны, вколачиваться, как ошалевший сильнее, быстрее, с дикой яростью пока, не забила в моих руках, выдыхая жалобным криком, и я вторю ей рычанием, воем, изливаясь во вздрагивающее тело, наклоня назад за волосы, терзая задыхающийся рот, кусая губы и делая последние сильные и быстрохаотичные толчки, пока не распял ее на той стене, прижимая всем телом, зарываясь лицом в мокрые волосы, удерживая, чтоб не упала. Весь покрыт потом. Опустошённый своей страстью, слышу смрад гари – это моя гордость вместе с самолюбием потрескивают и скукоживаются, разлетаются в ничто.

Она ведь даже не представляет, чего мне стоила ее жизнь и чего еще будет стоить.

Отстранился от Элизабет, поправляя штаны, задыхаясь и чувствуя себя последним жалким идиотом. А она не оборачивается. Так и стоит у стены, упираясь в нее лбом, только спина уже не прямая, а согнутая, и пальцы, отливающие перламутром на фоне серых камней, дрожат, и их кончики испачканы кровью, а я понимаю, что она сломала ногти.

Ударил кулаком по стене рядом с ее головой, сдирая костяшки и чувствуя отрезвляющую физическую боль, отступил назад.

– Вечером тебя отсюда заберут.

– Мне все равно.

Ответила очень тихо, а я сжал пальцы в кулаки. Ей все равно. Сегодня будут резать, топить, ломать тех, кто знает Элизабет Блэр в лицо... а ей все равно. Бесчувственная дрянь. Развернулся и вышел из темницы, закрыл клетку на замок и, проходя мимо стражника наверху, прорычал:

– Головой за нее отвечаешь. Волосок упадет – тебя четвертуют.

Глава 4

Я шла следом за сэром Чарльзом, укутанная в длинную накидку с огромным капюшоном, скрывающим мое лицо, а он был переодет в одежду обычного крестьянина, с выпирающим сзади накладным горбом, с палкой в руке. Я даже не сомневалась, что эта палка могла бы оказаться грозным оружием в его руках. Он вывел меня из темницы на рассвете, а не вечером, как сказал Морган. Стража сопровождала нас, но держалась поодаль, все переодетые в простолодинов, кто-то с выюками на спине. Но я видела, как оттягивается ткань просторных штанов с одного бока, под тяжестью мечей, спрятанных под ними и прикрытых длинными льняными рубахами.

Я все еще не могла прийти в себя. Не потому что меня хотели сжечь, не потому что вся продрогла в мокром платье, а потому что не могла понять, что со мной происходит, где я на самом деле и кто я. Перед глазами все время стоит горящая машина, ручейки огня, приближающиеся ко мне, и Миша, лежащий навзничь на снегу, раскинув руки в стороны. И я не знаю, что из происходящего на самом деле правда. Что мне снилось или казалось, а что было на самом деле. Сошла ли я с ума или с нами со всеми происходит что-то неподвластное человеческому восприятию. И меня швыряет из одной реальности в другую.

Когда Морган пришел ко мне в темницу... мыслями я все еще была там, возле горячей машины, возле своего мужа, живого или мертвого. Я видела его там настолько отчетливо, настолько ясно, что казалось, протяни я руку, то смогла бы коснуться его пальто, смогла бы приподняться и подползти к нему, несмотря на боль во всем теле. А потом все исчезло, и я вновь оказалась у столба... а в душе все перевернулось, заныло, засадило от страха, что я здесь... а кто поможет Мише там? Что сейчас происходит там? И, увидев лицо герцога, сошла с ума окончательно, потому что такое сходство не могло быть даже у близнецов. Так может быть похож человек только на самого себя, но... но ведь он – это не мой муж, и если с моим разумом что-то происходит, то в Ламберте его собственное сознание, и с ним все в полном порядке. Тогда как все это объяснить? Как со всем этим смириться и оставаться в своем уме?

Как же мне хотелось закричать от облегчения, увидев его живым, а потом так же захотелось разочарованно застонать – живой Ламберт, а Миша... Миша там один в снегу, к нему подбирается огонь, и я ничего не могу сделать. Ничего. Я застряла в этом проклятом мире, в этом чужом теле и... с чужим мужчиной, сводящим меня с ума своим сходством с моим мужем. Заставляющим меня изменять ему снова и снова. Мысленно и физически, предавать себя и его, ища оправданий в их похожести.

А тело млеет от ласк, дрожит и трепещет, ноет от страсти и возбуждения, и я ненавижу его, ненавижу каждый кусочек своей плоти, так постыдно вибрирующий от прикосновений герцога, ненавижу напряженные соски, жаждущие его губ, ненавижу сведенный истомой живот, влагу, текущую между ног, и дьявольски острый оргазм, пронизавший так сильно, так необратимо болезненно ярко, что ненависть стала чернее и обожгла все внутренности. Мне хотелось сопротивляться, но я устала сама от себя, устала от этого непонимания и от того, как разрывает на части от любви... и я не знаю к кому. Не знаю, за что мне это мучение и наказание оказаться в этом мире и в этом теле и испытывать эти эмоции по отношению к тому, кто мне совершенно чужой и жесток ко мне настолько, что готов был меня казнить.

Люди все еще не разошлись, они толпились на площади. Растеклись по узким улочкам города. И в каждом из них мне мерещился палач с поднятым топором или факелом. Я видела в их лицах приговор, видела такую жгучую неприязнь, что мне становилось страшно – на какую ярость способен человек и как сильно может жаждать чьих-то страданий лишь из-за своих суеверий и страха.

Мы остановились, нам преградила путь толпа, перекрывающая одну из улиц. Люди молча стояли и куда-то смотрели.

– В чем дело?

– Не знаю. Там, кажется, кого-то нашли.

– Кого? Пусть Арон проверит.

– Эй! – один из переодетых охранников окликнул мужчину в коричневой куртке. – Эй, ты! Что там стряслось?

Мужчина обернулся с округленными от ужаса глазами. Его подбородок дрожал, а лицо покрылось испариной и явно не от жары. Утро выдалось очень прохладным, и роса дрожала на листьях, а трава покрылась инеем.

– Жуть жуткая. Отродясь о таком зверстве не слыхивал. Не иначе, как сам дьявол пришел из преисподней, чтобы утянуть нас в пекло.

– И что там?

– Дочь кузнеца мертвая на дереве у церкви висит... Ее распяли и гвоздями к веткам приколотили. Упаси меня господь вблизи этот кошмар увидеть. Лишь бы ее другой дорогой повезли.

– Да говори ты уже, трясешься весь и меня пугаешь, – рыкнул на него сэр Чарльз, меняя интонации голоса. – Что с ней не так?

– Ей кто-то волосы вырвал, глаза... внутренности все..., – мужчина закрыл рот и надул щеки в попытке сдержать рвотный спазм. А я дернулась было вперед, но Чарльз меня за руку удержал.

– Куда?

– Может, жива она, может, помощь нужна. Может, никто не понимает и...

Начальник охраны герцога повернулся ко мне, и его брови сошлись на переносице, пальцы сильнее сдавили мою руку под локтем.

– Если кто-то узнает вас – вы здесь и умрете, ясно? Они вас на лоскутки разорвут! А потом герцог разорвет на лоскутки меня!

И словно в ответ на его слова послышался дикий крик.

– Это ОНААА! Это сука Блэр! Воскреслаааа, и как бабка ее, пришла жизни наших детей отнимать.

– Так помиловали ж ее, вот и начала убивать.

– Помиловали, потому что не Блэр это была. Блэр сожгли давно. Глупости говорите. Какой-то извращенец Марьям убил. Ляжками голыми светила, когда в поле ходила, парней заманивала, вот и отомстил кто.

– Это не месть! Это лютое зверство. Зачем волосы вырывать и глаза выдергивать... зачем ее всю вот так кромсать? И подвесили потом? Ведьмааа это сделала! Красоту ее себе забирает. Вот почему у ведьм цвет глаз меняется. Она их у других ворует! Глаза!... И кровь выпивает, и плоть жрет, чтоб всегда молодой быть.

У меня все похолодело внутри от этих ужасных предположений. Я вспомнила лицо свое перед зеркалом и то, как глаза мои цвет меняли. Или мне казалось... Не может ведь на самом деле... Бред это все! Маньяк какой-то, псих среди них. Просто им сил, навыков не хватает, знаний. Только меня это не спасет... прав Чарльз, едва узнают, раздерут на куски.

– Думаешь, она это была?

– Уверен, что она. Бернард, который крикнул, что узнал ее – сегодня в хате своей ночью сгорел. Едва с казни пришел и запылал. Говорят, кто-то дверь завалил и поджег. А окна узкие... Бернард, сам знаешь брюхо во какое... не смог вылезти. Так и поджарился.

– Страсти-то какие.

– Я слыхал, герцог с королем повздорили. Из-за ведьмы, видать?

– Черт его знает из-за чего.

– Говорят, король ее сжечь хотел, а герцог наш помешался на сучке и не дал. Приворожила она его, притянула к себе.

Я на Чарльза посмотрела, а он на меня.

– Герцог наш справедливый. Все ради народа делает. Не помиловал бы он, если б ведьмой была.

– Ты ее видел? Такой красоты не бывает среди людей! Только ангелы и дьяволы могут быть настолько ослепительны. С ума она его свела, окрутила. Он и к жене в первую брачную ночь не пошел, а к ней... Полюбовница она его.

– А тебе почем знать?

– Знаю. Люди зря болтать не станут.

– Это кто тебе такие подробности рассказывает?

– Расступись!

Послышались крики, и толпа начала расплзаться в обе стороны, открывая дорогу священнику, идущему впереди, двум стражникам и телеге. Я видела, как бледнеют лица, как сгибаются пополам люди, и их тошнит прямо на мостовую. На телеге везли мертвую девушку. Ее руки раскинуты в стороны, с обрывками веревок на пробитых запястьях. Я в ужасе смотрела на нее и ощущала, как холодеет все тело и ползут мурашки по коже.

– Расступись!

– Да! Это ведьма убила малышку Марьям! Нелюдья! Зверь! Смотри, что сотворила!

– Найти ее надо и самим уничтожить!

Я смотрела на пробитую руку девушки и на тянущуюся по мостовой веревку. Даже не веревку, а тонкую окровавленную тесьму. Я ее где-то видела, но не могла вспомнить, где именно. Телега проехала мимо меня, и все обернулись ей вслед.

Священник читает молитву, а кто-то из детей затаил уже знакомую мне песню, от которой все волосы на теле дыбом встали.

Прячьтесь дети, прячься скот,

Ведьма к нам в ночи идет.

Прячься кошка, прячься кот,

Кто не спрятался – найдет,

В лес утащит, заберет

И живьем тебя сожрет!

– Идемте! Дорога свободна!

Дернул меня за руку Чарльз.

– Они, правда, считают, что это могла сделать женщина? Вы видели... труп? Женщине это не под силу!

Спросила я у Чарльза, все еще дрожа всем телом после увиденного.

– Они не могут вообще поверить, что в нашем городе произошло нечто подобное, и ищут этому мистическое объяснение. Людям страшно признать, что нелюдь на самом деле может находиться среди них и даже сидеть с ними за одним столом. Идемте, пока никто не обратил на вас внимание.

– Куда мы идем?

– Туда, где никто не станет вас искать. Труднее всего найти то, что лежит у вас перед носом.

Кто-то назвал бы меня безумной, но я была счастлива оказаться не в стенах замка среди роскоши, а здесь, в маленьком домике мельника, на окраине деревни, где всем управлял полный, высокого роста пожилой мужчина с коротенькой седой бородкой и белоснежными воло-

сами – Арсис, и его жена Мардж – очень маленькая женщина с курчавыми светлыми волосами и детским голосом, которой удавалось держать в узде своего ворчливого мужа. Их двое сыновей погибли во время свирепствования Люти. Так они называли некую болезнь, по описанию похожую на проказу. И именно они долгое время прятали у себя Оливера, когда тот сбежал из цирка.

После того, как герцог избил беднягу, он вернулся к семье мельника и помогал Арсису на мельнице, таскал мешки с мукой на рынок. Едва увидел меня, радостно замычал, кивая огромной головой и пританцовывая так, что Мардж расхохоталась, а Арсис прикрикнул на паренька, и тот тут же угомонился, но смотреть на меня светящимися от радости глазами не переставал. А я думала, Оливер сбежал и теперь ненавидит меня из-за герцога. Я поделилась этими мыслями с Мардж, спустя несколько дней.

– Оливер не помнит зла. Его несчастная, дырявая память выбрасывает все плохое и оставляет только хорошее. Он может бояться человека, а уже через минуту помогать ему, может спасти тех, кто его обидел. Оливер – Божье дитя, не тронутое грехами нашего мира.

Говорила Мардж, развешивая белье, став на высокий табурет.

– Давайте я. Вдвоем быстрее будет.

– Еще чего. Леди не должны вешать белье.

– Я не леди, Мардж, я... никто на самом деле. Вы даже не представляете, насколько я никто.

– Вы? – она загадочно усмехнулась, глядя на меня теплыми карими глазами из-под светлых тоненьких бровей.

– Вы больше, чем думаете и можете себе представить.

Табурет пошатнулся, и я удержала его обеими руками.

– Арсис, растяпа, так и не заколотил ножки. Вот переломая я себе кости, кто его идиота старого кормить будет.

Я подала ей мокрую рубашку мельника, и она, расправив ее, перекинула через веревку. Мимо пробежала курица, за ней другая и выводок цыплят. За ними прокрался полосатый кот.

– Кыш отсюда! – шикнула Мардж и швырнула в него куском мыла. – Я знала Моргана еще ребёнком. Когда дети малы, у них нет такого понятия, как бедные и богатые, знатные и простолюдины. Они, возможно, и есть, но еще не омрачены теми гнусными чертами, которыми обладают уже взрослые. Леди Ламберт не запрещала сыну знаться с бедняками, она не растила из него чванливого и жестокого хозяина. Он был просто ребенком и играл с моими сыновьями. Он вырос в этом доме... я выкормила его своим молоком. В какой-то мере он мой единственный сын, оставшийся в живых.

Стул снова пошатнулся, и я удержала его обеими руками... Так странно, она говорила о герцоге совсем не так, как я привыкла слышать. Она говорила о нем, как о простом человеке и... мне безумно нравилось ее слушать. Она рассеивала его тьму, как будто разводила своими маленькими руками, оставляя совсем другой образ, чем я привыкла видеть.

– Я... я очень сочувствую вашей утрате.

– Ни одни слова сочувствия не вернут мне моих мальчиков, как и скорбь не вернет. Я свое отскорбела, отрыдала. Остались только молитвы и ожидание, что там, – она указала пальцем в небо, – что там мы обязательно встретимся. Отец Ефимей говорит – именно так и будет. И я надеюсь, мои сорванцы ничего не натворят, и их не накажут даже в Царствии Небесном, и дождутся свою мать и отца. Не то мне придется отправиться за ними в пекло и надрать им там задницы солдатским ремнем.

Ее голос был бодр и весел, а по мягким щекам, покрытым легким пушком, катились слезы. И я даже представить себе не могла, что она пережила, потеряв всех своих детей.

– Так вот, я знаю Моргана с детства. Знаю так, как не знает никто... и ты..., – она слезла с табурета и посмотрела на меня снизу вверх, заслоняя лицо от солнца маленькой рукой, – ты

слишком много для него значишь... если он решился на то, что сделал... Хотя я и говорила ему...

– Что сделал?

Спросила я, но ответ так и не получила, послышался топот копыт, и мы обе обернулись.

– Да провались я сквозь землю! Как она узнала? Вот же ж ведьма!

Я в удивлении посмотрела на Мардж, а потом на всадницу, приближающуюся к дому. Она узнала ее раньше, чем я. И судя по реакции, жена мельника не особо жаловала жену герцога. А это была именно она. Агнес. Одна. Верхом на Азазеле. Раздетая в атласный бирюзовый костюм для верховой езды. Красивая, изящная и такая аристократичная по сравнению со мной, одетой в платье простолюдинки, с волосами, спрятанными под чепец, в сером фартуке, измазанном мукой.

Она грациозно спешила, а я внутренне подобралась, чувствуя, что она приехала именно ко мне.

– Эй, ты, – крикнула она Мардж, – вели напоить моего коня. А ты, – презрительно посмотрела на меня, – а с тобой я говорить буду. Пошли.

Мардж, вежливо поклонилась и пошла за водой, а я смотрела на свою соперницу, на ту, что имела все права на Моргана, носила его имя и спала с ним каждую ночь в одной постели, и недоумевала, что ей нужно от меня. Зачем жене герцога приезжать ко мне, чтобы ощутить свое превосходство в полной мере? Сравнить нас? Понять, что ей нечего опасаться такой, как я? В груди засадило и стало трудно дышать при взгляде на ее светлые блестящие локоны и золотистую кожу. Представила, как его пальцы касаются ее лица, развязывают тесемки на корсаже платья, жадно поднимают подол, и внутри все зашло от боли.

– Чем обязана такому важному визиту?

– Многим. Помочь тебе хочу.

– Помочь?

– А что в этом удивительного? Я – женщина юга, и милосердие у меня в крови. Не то, что у вас... северян, холодных, как лед.

– Странно, – улыбнулась ей уголком рта, – вы преподносите милосердие, как некое достоинство расы, тогда как милосердие – это достоинство души и не имеет расовых различий, и им не нужно хвастать.

Светлые глаза Агнес потемнели и сверкнули гневом.

– Ты имеешь наглость называть меня хвастливой?

– А разве я такое сказала? Я, наоборот, горю желанием узнать, в чем заключается ваше милосердие ко мне и чем я его заслужила?

Агнес приблизилась ко мне и облизнула розовые аккуратные губы, предвкушая собственную речь, я видела по ее глазам, что она взбудоражена и возбуждена.

– Я помилую тебя и позволю скрыться с наших земель. Дам золота, лошадь и отпущу. В лесах прячутся повстанцы из Блэр. Говорят, их там сотни. Они примут тебя.

Она говорила так, словно пообещала мне полцарства и принца в придачу и была уверена, что я соглашусь.

– Тебя не поймут, если обмажешься вот этим.

Она протянула мне склянку.

– Ни одна собака не учует твой запах. Я все предусмотрела. И... и говорят, что там, среди повстанцев, видели Уильяма... Слышишь? Уильям жив!

Если бы я знала, кто такой Уильям, было бы вообще прекрасно. Судя по всему, я должна сейчас обрадоваться. Возможно, будь я Элизабет Блэр – это было бы мое спасение. Повстанцы и какой-то близкий мне Уильям. И не так уж безрассудно было бы бегство к тем, с кем я выросла. Но я не Блэр, и люди, те, кто знали Элизабет, поняли бы это. Поняли бы очень быстро. Скорее всего, меня ждала бы такая же участь, как и здесь. Сочли бы ведьмой. Да и... не выживу

я, не доберусь к ним. Я и выживать не умею толком. Я дитя мегаполиса, привыкшая ко всем благам цивилизации. В походах я выкручивала ноги, была искусана комарами и почти всегда болела каким-то вирусом.

– Спасибо. Прекрасное предложение. Но я не стану бежать. Это безумие.

Глаза Агнес округлились, и судя по всему, она мне не поверила. Да и кто бы поверил в этот абсурдный отказ от собственного спасения.

– Безумие – оставаться здесь после всех обвинений! Ты боишься? Я помогу тебе. Ты не одна. Тебя сопровождают до самой границы. Тебе нечего бояться.

Ее голос был мягкий и вкрадчивый, даже заносчивость испарилась. Она свято верила в то, что говорит, и скорее всего, именно так и было. Пусть и сделан этот жест далеко не из благих намерений.

– Что ждет тебя здесь? Только речное дно. Только унижения и боль.

Она была права. Ничего не ждало меня здесь... так же, как ничего не ждало меня и там. Умно поступила. Красиво. Избавиться от соперницы по-доброму, по-хорошему. Только откуда ей знать, что я не Блэр и что там меня, скорее всего, тоже ждет смерть. Возможно, тот же Уильям, кем бы он ни был, убьет меня собственными руками, поняв, что я самозванка.

– Я не стану бежать. Спасибо, что пытались помочь мне... Но я остаюсь здесь.

Упрямо ответила, глядя ей в глаза и видя, что она не верит своим ушам.

– Ты в своем уме? Ты понимаешь, от чего отказываешься?

– Я в своем уме и понимаю, от чего отказываюсь.

От мягкости не осталось и следа, и глаза герцогини загорелись такой же ненавистью, какой горели при наших предыдущих встречах.

– Надеешься стать кем-то большим, чем подстилка? Надеешься завлечь его тем, что у тебя между ног?

Наступая на меня, скривив лицо в гневной гримасе.

– У него таких сотни. Я привыкла считать его шлюх, особенно считать их трупы!

Еще один нож под ребра, и я с трудом держу удар, с трудом стою на ногах. И перед глазами та записка... в темнице с проклятиями.

– Он потрахается с тобой еще раз десять, ну двадцать, если очень повезет, и найдёт себе другую игрушку. А ты... ты будешь валяться на дне реки с камнем на шее. А родишь – отберет твоего сына и отдаст мне. Мне! Понимаешь? И я буду его ненавидеть. Я буду желать ему смерти, как и тебе! А если родится девочка, она будет проклята, как и все мы. Я отдам ее замуж за жирного, старого, жестокого борова, чтоб она всю свою жизнь жалела о том, что родилась на свет, и проклинала ту, кто ее родил! И только я буду согревать постель Моргана до самой смерти. Только я буду сидеть рядом, только я буду называться его женой. Меня он будет любить... а тебя просто иметь.

– А ты каждую его шлюху отправляешь прочь с мешком золота и провожатыми? Или я удостоилась особой чести?

Выпала ей в лицо, сжимая кулаки. Потому что права она. Потому что для Моргана Ламберта я никто. Потому что, если бы я могла родить, моих детей ждала именно такая участь.

– По-разному. Скажем так – тебе пока повезло.

Прозвучало угрожающе, но я ее не боялась. Сейчас ее образ для меня сливался с образом Алины, которая восседала на столе у Миши и кокетливо кусала губы. И здесь, и там он предпочел ЕЕ. И здесь, и там мне хотелось свернуть ей шею.

– Я никуда не побегу. Моя участь не хуже твоей. Я не знаю, что лучше – валяться на дне реки или каждый раз смотреть, как тебе предпочитают другую. Снова и снова. Выбирают не тебя.

– Побежишь! – надвинулась на меня сжимая хлыст. – А не побежишь – сдохнешь!

Замахнулась, и я в ужасе услышала оглушительное ржание, Агнес обернулась, и Азазель, ставший на дыбы, собрался обрушиться на нее копытами.

Я бросилась к коню. Хватая за поводья и оттягивая назад.

– Тшшш, тихо, мой хороший. Успокойся. Никто не кричит. Тшшш... тихо. Никто никого не ударит.

– Азазель! – взвизгнула герцогиня. – Ко мне! Иди ко мне! Немедленно!

Но конь тыкался мордой мне в лицо и, фыркая, терся о мою щеку. Узнал. Защитил. От благодарности защемило сердце, и я прислонилась головой к мощной шее коня.

– Ко мне, я сказала!

Приблизилась еще на шаг, размахивая хлыстом, и конь, пронзительно заржав, не дал ей подойти ни на шаг, став между мной и ею, перебирая стройными ногами и всем своим видом выражая явную агрессию, направленную на герцогиню.

– Проклятая тварь! Ты еще об этом пожалеешь!

– Он ненавидит хлыст. Уберите его, и он успокоится!

– Заткнись! Не указывай мне, что делать!

Она ударила хлыстом по юбке и пошла прочь по направлению к деревне. Споткнулась, вступила в навоз, поскользнулась и чуть не растянулась возле лужи. Оливер хотел подхватить ее под руки, но она замахнулась на него хлыстом.

– Не смей прикасаться ко мне, убожество! Руки прочь!

Посмотрела на коня, потом на меня таким взглядом, что мне показалось – ее яд обжег мне лицо. Мельник побежал за ней.

– Ваша Светлость, я предоставлю вам своего коня или повозку.

– Давай! Да поживее!

Азазель снова фыркнул и облизнул мне щеку.

– Вам стоило согласиться с ее предложением.

Позади меня стояла Мардж с пустым ведром в руках.

– Вы бы спасли нас всех...

– От чего?

– От смерти. – тихо ответила она и поставила ведро на землю.

Глава 5

– В городе опять беспорядки. Вчера издохли три коровы и коза. Одна у молочницы и две у булочника Рауля. А сегодня утром пропал младенец из колыбели, младший сын Азалии. Его крестили в прошлое воскресенье. Первый мальчик, родившийся в Адоре в этом году...

– Как это пропал?

Арсис налил молока в кружку и отпил большими глотками, вытер мясистый рот рукавом. Он выглядел очень взволнованным, но вида не подавал. Точнее, старался не подавать.

– Вот так. Утром мать проснулась, а младенца нет, и окно открыто.

– Это как спать надо было, чтоб не слышать? Видать, снова брагу хлестали с муженьком.

– Какая разница, Мардж? Ребенок-то пропал! Младенец, пару месяцев от роду! Точно не своими ногами ушел!

– Снова говорят о ведьме?

– Снова говорят, – сказал Арсис и, посмотрев на меня, вышел из кухни. Мардж погрузила руки в тесто и лишь слегка нахмурилась. Я машинально разбила яйцо и влила в миску.

– Зачем искать виноватых. Всегда нужна ведьма. В прошлом году началась лихорадка у скота, тоже ведьму искали. – проворчала себе под нос Мардж.. – Младенец пропал – ведьма украла. Бред! Людям лишь бы вину на кого-то свалить и собственной не увидеть!

Повернулась ко мне.

– Можно еще одно яйцо. Найдут младенца. Бабка поди унесла, когда орал ночью подле матери пьяной.

А сама все сильнее и сильнее тесто вымешивает, так, что вены на запястьях появились. И напряжение в воздухе повисло. Я его кожей ощутила.

Тогда я все еще не поняла, что Мардж имела в виду, почему говорила о смерти... Я была погружена в саму себя, я снова и снова возвращалась к своему видению. Оно не давало мне спать. Бледное лицо Миши, лежащего на снегу. Смерть была для меня там... в той реальности, где пылает наша машина, а здесь мне казалось, что я в адском плену в самой преисподней. И у Дьявола слишком родное для меня лицо. И нет отсюда никакого возврата обратно... Знаю, да, что если был вход, можно найти и выход... но где его искать? В чем он прячется этот выход? Где замаскирован, кем и зачем?

Я расчесывала длинные волосы, глядя застывшим взглядом в никуда, думая о словах Агнес и понимая, насколько она права. Может, стоило рискнуть, взобраться на спину Азазеля и мчаться куда глаза глядят в сторону леса и подальше от этого человека, который использует меня только для одной цели. Лучше умирать, не утратив свою гордость, не предав любимого и не осквернив свои чувства, а не барахтаться в реке с камнем на шее, когда Ламберт поймет, что я бесплодна, и найдет себе новую оllu... От мысли об этом стало еще больнее, и я выдрала прядь волос, прикусила губу. И что ранит сильнее – мысль о том, что я предаю Мишу, который, возможно, прямо сейчас умирает в снегу, или мысль о том, что Морган предаст меня... предаст, не дав ни единого обещания.

Я была настолько поглощена своими мыслями, что не услышала стук копыт за окном, не услышала чьи-то шаги за дверью маленькой пристройки, пока они не распахнулись настежь, скрипя несмазанными петлями, и я не обернулась, всхлипнув, чтобы увидеть, как входит герцог, наклонив голову и снимая на ходу перчатки. Резко отвернулась и сжала сильнее гребень, стараясь не смотреть на него через зеркало. Мне вдруг захотелось ослепнуть, перестать видеть его лицо и избавиться от наваждения. Герцог захлопнул за собой дверь и в несколько шагов пересек комнату, чтобы с шумом втянуть запах моих волос, сжав мои плечи горячими ладонями.

– Я хотел увидеть тебя. Безумно, жадно хотел увидеть. Спрятал... дал себе слово, что не приду, и как идиот...

Я ничего не ответила, только сжала гребень сильнее.

– Все эти дни думал о тебе, Элизабет.

Повел по моим рукам вниз, накрывая запястья, отбирая у меня гребень.

– Дай я их расчесу, – хрипло и над самым ухом, вызывая дрожь во всем теле. Разжал мои пальцы и отобрал гребень. Когда коснулся им моих волос, я вздрогнула всем телом. Меня словно заклинило, я окаменела, судорожно глотая воздух.

Миша любил расчесывать мои волосы. Он становился точно так же позади меня и вел расческой по ним, перебирал пальцами, вдыхал запах, массировал кожу головы, и я млела от этих прикосновений, как и сейчас, глаза сами собой закатываются, и хочется застонать от изнеможения... Какими дьявольскими силами он узнал об этом? Дернула головой, избегая его рук, уворачиваясь, запрещая себе сравнивать.

– Не надо.

– Почему?

Отбросил волосы на плечо и жадно прижался губами к моему затылку, обхватывая меня за талию и вдавливая в свое тело, шевеля мои волосы горячим дыханием.

– Почему не надо? Я скучал по тебе, Элизабет... моя Элизабет.

– Нет.

– Даааа... моя.

Ладони накрыли мою грудь не сильно, а до невозможности нежно, поглаживая большими пальцами соски и слегка кусая кожу на затылке, опускает ночную рубашку с плеч, осыпая поцелуями спину, вверху у самого позвоночника, медленно стягивая тонкую материю, заставляя ее цеплять напряженные кончики груди, царапать кружевом кожу. И я чувствую, как дрожит его большое тело позади меня, слышу его прерывистое дыхание и знаю, что он смотрит на мое отражение.

– Взгляни на меня, Лиза. Так ты хочешь, чтоб я тебя называл, м? Лизаааа... Такое нежное имя. Как твоя плоть под моими пальцами. Тает на языке.

Током по нервам, обнажая самые сокровенные мечты, выдергивая наружу привычные воспоминания и тоску. Покорно приоткрывая тяжелые веки, встречаюсь с ним взглядом. Но я чувствую его похоть каждой мурашкой на теле, волной дикой ответной реакции на это ощущение возрастающей амплитуды закручивающегося внутри него сумасшедшего вихря, я вижу эти огненные смерчи в бешеных потемневших от голода глазах. Только он умеет вкладывать в свой взгляд всю палитру собственных эмоций. Не скрывает, хочет, чтоб я их увидела.

Тянет меня за волосы назад, не сильно, но чтоб запрокинула голову, и накрывает мои губы своими, слегка, едва касаясь, раздвигая их языком, трепеща между ними, касаясь моего языка и снова лаская губы, возвращаясь жадными ладонями к груди, сжимая ее и растирая соски, заставляя меня тяжело дышать ему в губы.

– Ощущать, как твое тело покоряется мне...

Снова целует, и с каждым поцелуем я слышу, как разбивается вдребезги моя уверенность, что я смогу устоять. Слегка отстранился и смотрит мне в глаза.

– Знаешь почему? – стягивая рукава вниз, спуская ткань по моему животу и давая ей свободно упасть к моим ногам. – Потому что оно создано для меня, Лизааа.

Зачем мое имя именно сейчас? Именно тогда, когда я решила держаться изо всех сил и не позволить ему. Толкает вперед, заставляя облокотиться руками о тумбу и проводит кончиками пальцев по моей спине, инстинктивно прогибаюсь и слышу его хриплый стон. Пальцы сжались на моих волосах, и он изо всех сил вдавил меня в гладкую поверхность, больно распластав.

– Дряаяянь. Искушенная и такая сексуальная девственница... кто тебя искушал? Кто научил призывно выгибаться, стонать, закатывать глаза, соблазнять...?

Я чувствую его дыхание кипятком по обнаженной и покрытой мурашками коже. Скользя острыми сосками по холодному столу. И закричать, когда вошел пальцами, впиваясь в волосы. Закричать, переходя в протяжное «мммммммм» выдохом, дрожа всем телом и втягивая напряженный живот, выгибаясь и поднимаясь на носочки, чтобы невольно принять глубже, проклиная и себя, и его.

Приоткрыла глаза, и взгляд застыл на маленьком ноже для нарезки фруктов, лежащем на подносе рядом с дольками яблока.

Сжал ее тело под грудью, вжимаясь в ее спину, скользя жадно открытым, задышающимся от голода ртом по нежной шее и сатанея от ощущения ее плоти. Медленно проникая в нее пальцами, глядя в зеркало на это ослепительно-красивое лицо, на приоткрытые губы, на закатившиеся глаза.

Больше не кричит «нет», не сопротивляется, заводит своей тихой покорностью, и меня рвет на части от осознания, что она такой же была и с тем своим... Найду его и выпотрошу кишки, отрежу яйца и опущу в кипящее масло. А я найду... Но сейчас мне плевать на него. Она моя. Я ее трахал, я был у нее первым. И меня заводит это молчаливое согласие. Вжимаюсь в упругие обнаженные ягодицы ноющим членом. Как же бешено я хочу ее. Всегда хочу. Каждую проклятую секунду. Мне о политике думать надо, о приближающейся войне, о планах Карла, который провоцирует моих людей на мятежи... а я не могу. Я с ней всеми мозгами.

Стонет, и я проталкиваю пальцы глубже. Шелковая девочка, когда я войду туда членом, твоя дырочка будет сочиться от влаги. Вверх и вниз, дразня и лаская, и снова внутрь, прижимаясь воспаленным лбом к ее подрагивающей спине, придавленной моей ладонью к столу.

– Твою ж маааать... какая ты шелковая там... атласная, – жадно облизывая ее затылок, мочку уха, ныряя в раковину. Резкими толчками пальцев вбиваясь в неё, имитируя те же движения языком. Глубоко, резко. Поглаживая большим пальцем налитый и выпирающий клитор. Возбуждена... она со мной всегда на пределе. И это заставляет трястись, как одержимого психопата, в припадке страсти. Пока только поглаживаю ее напряженный бугорок и представляю, как буду брать ее. Сейчас. Пусть кончит для меня, и я ворвусь в ее тело.

Отстранился от нее и впился зубами в затылок, так, чтобы оставить след своих зубов на них. Чтоб яростно пометить нежную кожу своим безумием. Как же сильно мне хочется причинить ей боль и рыдать от понимания, что она страдает... не по мне! Продолжая таранить пальцами. Добавить третий, и тут же ртом к ее губам... Сбоку, лаская языком, целуя щеку, скулу. Снова вбивая в нее пальцы. Под громкие стоны, чувствуя, как сводит мышцы паха от потребности взять ее членом. Жестко и больно сводит. Так, что кажется, меня сейчас разорвет.

– Кричи, Лиза... давай. Это тоже мое и мне. Кричи!

Ощутить, как сдавливает мои пальцы, как дергается подо мной, бьется в экстазе. Но не кричит, сдержанно стонет, мычит, но не кричит. И я сатанею от ощущения этих спазм пальцами. Каждый из них – для меня и мне. НЕ ЕМУ! Самое ценное осознавать, что ее накрывает рядом со мной, от моих рук, моих ласк. Отбирает у меня разум и отдает немислимо больше. Отдает то, что принадлежит только мне. И не будет принадлежать никому. Мой личный яд, от которого погружаешься в самое пекло.

О дааа, адское пекло, пока не вдерусь в нее членом, пока не помечу изнутри своим семенем. Резко приподнялся, опираясь на руку и дергая завязки на штанах, невольно зашипел, когда член вырвался наружу. Каменный, зверски оголодавший по ней. Развернул её к себе лицом, усаживая на стол, придавливая спиной к зеркалу. Смотреть хочу. В глаза её эти, пьяные после оргазма. Затянутые поволокой наслаждения. И я погружаюсь в них, как и в ее тело. Навис над ней, разводя в стороны колени, глядя на припухшие губы и погружая к себе в рот пальцы, все еще влажные от ее соков.

– Вкуснее не бывает...

Опустил взгляд к бешено вздымающейся груди с вытянутыми, сжатыми, тугими сосками, по ребрам, к впадине пупка и к розовой плоти, блестящей от влаги. Подхватил под ягодицы, придвигая к себе, набрасываясь губами на ее рот, и услышал хриплое:

– Не смей меня больше трогать!

Не глядя на нее, в попытке раздвинуть сжатые губы языком, но она вертит головой и не дает это сделать.

– Не смей... иначе я убью себя.

Отстранился, опираясь ладонью о зеркало, и застыл, чувствуя, как спадает дикий жар возбуждения и начинают леденеть кончики пальцев. Прижала к горлу нож. Острый, наточенный с обеих сторон с невероятно тонким концом, впившимся ей в шею, где уже показалась капля крови.

– Какого черта, Лиза?! – зарычал, попытавшись схватить ее руку, но она надавила еще сильнее, и тонкая струйка крови побежала между ее грудей к животу.

– Я не принадлежу тебе! Я не твоя! Я... я не должна быть здесь... не должна вообще быть здесь! – и на глазах слезы выступили, наполнили их, как речные озера. Дрожит вся. Словно ее накрывает истерикой и ненавистью... не только ко мне. Я вижу, как она ненавидит себя. Как сожалеет о каждом моем прикосновении. И как же это, вашу мать, больно.

– А где должна? – хрипло спросил.

– Не с тобой... я не могу! Не могу так! Не надо... пожалуйста! Я не могу!

Дряянь! Значит, из-за него... значит, не может больше! Рывком схватил за запястье и выкрутил руку назад, заставляя выронить нож. Сдавил пятерней ее лицо.

– А я разве спросил твое мнение?

Сгреб волосы на затылке в кулак и притянул к себе, глядя в глаза, сотрясаясь всем телом от накрывшей волны бешеной злости и боли.

– Я не спрашивал, а утверждал. Утверждал по-хорошему, Лиза... По-хорошему закончилось. И на твоём теле не будет ни одного отверстия, которое не принадлежало бы МНЕ! Запомни это! Ни одного!

Опрокинул ее на колени, содрогаясь от ярости, от ревности, которая ослепила настолько, что мне казалось, я способен ее убить. Схватил член у основания и одним толчком ворвался к ней в рот, глядя, как задохнулась от резкости. Удерживая ее голову, не двигаясь, наслаждаясь ощущением атласной гладкости ее горла. Касаюсь напряженной до разрыва головкой его стенки, чувствуя, как сводит с ума ее взгляд. Осознанный и... и такой до омерзения жалостливый, молящий... молящий не трогать то, что, как она считает, не принадлежит мне! ЧЕРТА С ДВА! ВСЕ МОЕЕЕ! И тут же начал движение. Резкими и глубокими толчками, не давая отстраниться, придерживая ее за затылок, впиваясь в него пальцами. Запрокинул отяжелевшую голову, закрыв глаза и зверея от бешеного возбуждения. И тут же снова смотрю на нее, не желая упустить этот момент. Этот сумасшедший триумф – видеть её у своих ног, с моим членом, вбивающимся между ее губ, смотреть, как задыхается, как снова наполняются слезами ее глаза. Всё быстрее двигая бедрами. Всё сильнее впиваясь в затылок, переводя взгляд на напряженное лицо, на стекающие по щекам слёзы, чувствуя, как внутри назревает самый настоящий взрыв. И пусть меня похоронит под осколками ее ненависти, плеваааать. Пусть знает, чья она.

Я буду брать ее, как захочу и когда захочу, и сегодня она узнает, что значит по-плохому... что значит быть действительно вещью. МОЕЙ! А потом я займусь этой проклятой войной.

Оставить ее мягкий, истерзанный мною рот, глядя на слезы, стекающие по щекам, наклонился, чтобы слизать их, провести дорожки кончиком языка, сожрать свой триумф и проигрыш одновременно, упиваясь соленым привкусом своего безумного влечения к этой дряни.

Перевел взгляд на её подрагивающий живот, на обнаженную грудь, на крутые бедра и раздвинутые ноги. Сорвал камзол, швырнул на пол, опустил вниз к ней, сжимая хрупкие

плечи, опрокидывая навзничь и глядя в широко распахнутые глаза, залитые слезами... Рывком раздвинул ноги и стал между ними, согнув в коленях и подняв вверх к груди. И обхватив рукой член, вошел в нее, резко выдохнув, когда ощутил сильное сопротивление. Ощутил, как сжимает мой член инстинктивно, напрягшись. До боли. Но мне плевать. Сейчас плевать. Я слишком сильно хочу ее, так хочу, что из глаз искры сыплются, и вся кожа зудит, как облитая кипятком до кровавых волдырей. Остановился на бесконечные три секунды, чувствуя, как утягивает в мрак ее взгляда, и ворвался глубже, застонал от животного удовольствия. От невыносимого, безумного удовольствия ощущать ее тело изнутри. Вот так и должно быть всегда. Она подо мной, я в ней, в покорно распластанной и придавленной моим телом.

Толкаться внутри глубокими рывками. Шипя сквозь стиснутые зубы, глядя на ее приоткрытый рот, удерживая на себе ее взгляд и не давая отвернуться, закрыть глаза.

– Ты принадлежишь мне, Элизабет... Вот так. Глубоко. Внутри тебя мои метки... Дааааа....

Погружаясь на всю длину, чувствуя, как мокнет на спине рубашка, как сводит бедра от желания вбиваться в нее на полной скорости.

Здрав ещё выше стройные ноги и склонившись прямо к лицу, вбирая в себя ее прерывающееся дыхание. Видеть на дне зрачков свое бледное от страсти лицо, ощущая, как словно разрывает что-то кожу изнутри, как выбирается сам дьявол наружу, готовый убить ее, но не отдать никому. Захватываю зубами ее кожу на шее, оставляя следы, клеймя, алчно открытым ртом вдыхая запах желанного тела. Резким движением ладони схватил за горло и жадно впился губами в ее дрожащий рот. Всё сильнее двигая бедрами. Изменяя амплитуду и ритм ударов члена в ней. Биться в ней, яростно и жестко. Не любить. Ей не нужна моя любовь. Только наказывать. Причинять ей боль. За то, что сам жутко истосковался по ней. За то, что оголодал и словно нищий пришел с протянутой рукой за лаской, а получил удар под дых. Отстранился назад, закидывая ее ноги себе на плечи, кусая лодыжки, всасываясь в них жадным ртом до синяков. Поцелуями-укусами. Такими же быстрыми, как толчки. Насаживая ее за бедра на мой член. Не отрывая взгляда от её лица, искаженного болью и... да, черт ее раздери... дааа, удовольствием. Я научился его читать на многочисленных лицах любовниц, научился ощущать на уровне инстинктов.

Корчиться от наслаждения, ощущая, как сдавливает меня легкими спазмами, как заражает своим откликом несмотря на сопротивление. Как погружает еще глубже в бездну страдания от желания скорее излиться и одновременного желания сожрать её всю. Всеми способами. Пометить везде.

– Скажи мое... слышишь? Скажи мое имя!

Подхватив колыхающуюся грудь и жадно накрыв торчащий сосок губами, втягивая в рот, присасываясь к нему так сильно, чтоб изогнулась подо мной со стоном и невольно впилась скрюченными пальцами в мои волосы, пытаюсь оттолкнуть, и тут же ослабить поцелуй и затрепетать на соске языком, жадно облизывая и чувствуя, как легкие спазмы лона волнами ласкают окаменевший и дергающийся от бешеного желания взорваться член.

– Имяяя! – с рыком ей в губы, заставляя смотреть себе в глаза. – Мое имяяя!

Молчит, и мне хочется свернуть ей за это шею. Молчит, и мне кажется, во мне отмирает все человеческое в этот момент. Я снова становлюсь тем животным, которое приползло в лепрозорий и готово было убивать за кусок еды... А сейчас я готов был убивать за кусок нее. Не важно какой. Кусок всего, что относилось к ней: внимание, взгляд, поцелуй, секс.

И ей хорошо со мной. Я это знаю и вижу. Обожженный пламенем преисподней, задыхающийся едким дымом разочарования и в тоже время сходящий с ума от ее влажного от пота тела, от подрагивания плоти, сжимающейся вокруг моей.

Всматриваюсь в ее закатывающиеся глаза. Уже не светло-зеленые, потемневшие от наслаждения. И резким толчком погрузиться дальше. Сразу и на всю длину. Заткнув ладонью её рот.

Быстрыми движениями вбиваться членом в тесную глубину, убрав ладонь и позволяя ей громко стонать... кричать с каждым толчком.

– Мояяая... Ты мояяая, Лизааа... Давай. Я хочу слышать свое имя!

Рыча... не разбирая собственных слов. Меня швыряет в дрожь от осознания, что стоит только сжать сильнее пальцы на ее горле... и она знает то же самое, думает о том же самом. Потому что в глазах вспыхивает страх.

И я беру ее еще быстрее. Ускоряя темп, наращивая свою боль и ее наслаждение. Вздрагивая от того, как в истерике бьется мое сердце, потому что не говорит мое имя... И вдруг замерла, широко распахнула глаза, выгнулась подо мной и, всхлипнув, простонала:

– Нееет.

Я ощутил быстрые, сильные сокращения ее лона. Это и есть триггер. Удар хлыста по обнаженным нервам. Смакуя каждый спазм, до последнего пожирая ее срывающиеся стоны и вздохи своими голодными губами, поглощая их, заглатывая каждый и чувствуя, как сейчас накроет меня самого.

Разнесет, расколется на мелкие частицы, в тлен и в пепел. Так, чтоб искры взметнулись вверх, приливая к голове и ожогом разошлись по всему телу. Взревел от бешеного оргазма, разжимая пальцы на ее горле, чтоб не сломать в момент адского удовольствия, чтобы не раскрошить... не поддаваться искушению оставить себе каждую крошку. Изливаюсь в нее бесконечно долго, хрипя и продолжая кусать ее губы, заливая спермой и ощущая, как триумфально дрожит мое собственное.

Приподнялся на руках, всматриваясь в ее бледное лицо с закрытыми глазами. На скулах следы от моих поцелуев, на шее, на груди.

– Никогда больше не говори мне о нем. Слышишь? Никогда! Я отрежу тебе язык! – потрянул, заставляя посмотреть на себя. – И никогда не смей мне отказывать. В тебе нет ничего ценного, кроме того, что спрятано у тебя между ног, и я хочу иметь туда доступ тогда, когда пожелаю.

Склонился еще ниже.

– И не забывай. У многих есть то же самое... И если я решу заменить тебя, то с этого момента твоя жизнь превратится в такой ад, что ты позавидуешь мертвым.

Глава 6

У нее длинные золотые волосы, у нее молочно-белое тело, у нее голубые глаза, и она богата, умна, изыскана, воспитана, имеет титул и земли. Почему не с ней? Почему, черт его раздери, он бегаёт к этой проклятой шлюхе, к этой твари Блэр. Отвергая ее, Агнес, снова и снова.

Даже в брачную ночь Морган оставил ее, пришел в спальню, чтобы порезать себе ладонь и запачкать простыни, а потом побежал к своей сучке. Ооо, если бы она, Агнес, могла ее удавить, могла вытащить ей кишки, выколоть эти наглые зеленые глаза, она бы это сделала. Но ей слишком дорога собственная шкура. Морган не пожалеет. Агнес слишком сильно его боялась, чтоб решиться в открытую причинить вред сопернице. Ламберт чокнутый и жестокий мерзавец. Ее отец называл его Дьяволом, вернувшимся с того света и продавшим там душу в обмен на жизнь. Выживший в лепрозории и не заразившийся лютью не мог быть чист перед Богом.

И когда Ламберт живьем сжигал пленных солдат из Блэр, согнав их в огромный ров, и смрад от горелой плоти доносился до Монтгомери, Гарольд смотрел на огонь из окон своего замка и боялся... да, безумно боялся, что Ламберт придет к ним войной и отомстит за то, что не открыли границ беглым от хвори адоровцам... Отец Агнес в свое время закрыл свои границы для жителей Адора, во время свирепствования Люти не впустил к себе голодающих, чтобы избежать заражения. Велел убивать каждого, кто попытается перейти границу с герцогством и бежать в Монтгомери. Когда Ламберт вернулся в Адор, вся торговля была прекращена, никаких деловых отношений герцог с Гарольдом не возобновил. Первое пиршество и грандиозная царская охота прошли без князя. Его не пригласили в Адор. Единственного из венценосных вельмож не позвали к герцогу на первый прием после восстановления Адора. И Гарольд считал его зарвавшимся сукиным сыном, который еще приползет кланяться в ноги своему соседу. Но кланяться пришлось самому князю. Идти с мольбами к Карлу, чтобы тот похлопотал о свадьбе.

Гарольд был бы против этого брака и пылал дикой ненавистью к соседу, пока в их землю не пришла засуха и не сгубила весь урожай. Летом ни дождинки, а зимой ни снежинки. Голая потрескавшаяся земля, засохшие деревья, опустевшие колодцы, высохшие реки. Одно спасение – Адор, где пресные озера и источники, и природа словно в насмешку посылала дожди и грозы, обходявшие Монтгомери стороной. Агнес помнила, как трепетала перед первой встречей с будущим женихом, как зарделись ее щеки и забилось быстрее сердце, когда герцог, одетый во все черное, вошел в торжественную залу ее родового поместья. Запомнила она и лицо отца, его раболепие, страх в глазах и... надежду. Герцог тогда едва взглянул на невесту, а она потеряла покой.

Как же дико она его любит теперь и так же дико ненавидит за то, что пренебрегает ею, за то, что унижает снова и снова. Как же она была счастлива, когда герцог приехал к ее отцу свататься. Карл сдержал слово – Ламберт согласился сочетаться браком с Агнес, влюбленной в своего дальнего кузена и мечтающей стать женой Моргана, а также герцогиней.

Агнес смотрела в его серые глаза и готова была на что угодно, лишь бы он улыбнулся ей. Но он не улыбался, а если и улыбался, то лишь тогда, когда мимоходом смотрел на нее за столом, или при очередном визите она придумывала что угодно, чтобы пересечься с ним в саду или возле конюшни. В один из таких визитов герцог остался на ночь, и она сама пришла к нему... молить о ласке. И получила ее, точнее, Морган грубо поставил ее на колени и овладел ее ртом, потом довел до оргазма пальцами и отправил в спальню. Тогда Агнес решила, что герцог берег ее девственность... что как только они поженятся, он страстно и необузданно возьмет ее тело. Ведь о герцоге говорили, как о бешеном и умелом любовнике. Она внимала рассказам

о его многочисленных похождениях и ненавидела каждую из женщин, кого он покрывал. Она желала всем им смерти.

– С кем он?

– Не знаю, госпожа.

– Так узнай! Узнай, не то велю тебя высечь! – вопила в ярости и прожигала злым взглядом Мелинду, свою преданную и верную горничную.

– Люди болтают, что видели его в доме вдовы Норрис.

– Ненавижуу... пусть она сдохнет!

Служанка шарахалась в сторону, когда Агнес швырялась предметами в стены и рассыпалась в проклятиях.

– Можно... можно наслать на нее болезнь, госпожа.

– Как это наслать болезнь?

Так она узнала о Каэль... О женщине невысокого роста с седыми волосами, собранными в толстую косу и светлыми глазами янтарного цвета. Каэль – кружевница и швея. Ее маленький дом на окраине деревни похож на диковинную лавку, забитую кусками разноцветной материи, лентами, нитками и кружевами. Каэль не была модисткой и не шила для господ. Она шила для этих ужасных простолюдинов из деревни, оплату брала остатками ткани, едой, вином. Никто не знал, когда она появилась и откуда приехала. Всем казалось, что она живет там давно. Когда Мелинда привела Агнес, укутанную в длинный плащ в избу швеи, та не сразу впустила их в дом. А когда обе женщины вошли в маленькое помещение, то обе вздрогнули. С деревянных полок на них смотрели тряпичные куклы с нарисованными глазами и волосами из конской гривы. По крайней мере, Агнес так показалось.

– Я не шью вещи для господ, не умею. Зря пришла и миледи с собой привела.

Мелинда осмотрелась по сторонам, выглянула за дверь.

– Мы не за нарядами. Мы хотим ...

– Молчи. – шикнула на нее Каэль и перевела взгляд на Агнес. – Зря пришли. Уходите.

Агнес тут же достала мешочек с золотом, но швея расхохоталась и оттолкнула ее руку.

– Кто у меня золото возьмет? Решат, что воровка, и руки отрубят.

– Тогда что тебе надо? Мне помощь твоя нужна.

– Какая помощь? Я шью примитивно, кружева плету не для красивых леди. Шли бы вы, госпожа, к себе в замок.

Но Агнес ощутила эту силу, это нечто ужасающе, могущественное.

– Все, что хочешь, проси. Отдам последнее. Только чтоб меня любил. Чтоб бросил ее, чтоб опротивела ему, покрылась волдырями!

Агнес схватила Каэль за руку.

– Понимаешь?

– Понимаю. – ответила та и улыбнулась. – Только я ничего сделать не могу.

– Как это не можешь?

Перевела взгляд на Мелинду и снова на швею.

– Мне сказали, что ты... – она искала нужное слово и не могла найти.

– Если бы я была ею, меня бы давно казнили. – приблизилась к будущей герцогине, и той не по себе стало от того, как глаза швеи вдруг стали отливать синевой. – Я лишь дам совет КАК... а вы все сделаете сами.

Любовница герцога заболела страшной болезнью, похожей на лютю, и ее вывезли за пределы Адора. Никто не знает, что с ней случилось. Какое-то время герцог был совершенно свободен и даже чаще посещал Агнес... а потом у него появилась новая любовница. Она исчезла... В одно прекрасное утро просто покинула пределы города, и никто ее не нашел.

Агнес надеялась, что каждая из них последняя. Что он придет к ней и приласкает. По ночам, корчась на влажных простынях, представляла себе их брачную ночь и растирала себя скрученным в жгут полотенцем, пока перед глазами не вспыхивали яркие искры наслаждения. Оставалось так немного подождать, и Морган сделает ее своей, а потом и полюбит ее.

– Обязательно полюбит, госпожа. Вы так красивы. Вы божественны. Само совершенство, – лебезила служанка и расчесывала белокурые волосы Агнес до блеска, – ни один мужчина не устоит перед вами. И он тоже. Возжелает вас, как ненормальный, едва увидит ваше тело.

Она верила в это до последнего. Верила, пока не увидела оllu. Проклятую, мерзкую тварь, которую всем Ламбертам полагалось завести себе в канун венчания, чтобы оплодотворить, как племенную кобылу. И Агнес знала об этом... знала и принимала обычаи семьи Ламбертов, но едва увидела гнусную дрянь с зелеными глазами и лицом, подобным самому страшному греху, искушению во плоти. Даже она, женщина, с досадой и горечью признала, что соперница дьявольски красива, неестественно хороша. Посмотрела на девушку, потом на безумные глаза своего жениха и поняла, что Морган пропал. Она бы за этот взгляд перерезала себе вены. На нее он никогда так не смотрел.

– Будет смотреть, – шипела она, выводя аккуратные буквы на пергаменте, – скоро он будет смотреть только на меня. Ненависть захлестнула с такой силой, что перед глазами потемнело, в ушах только одно слово «смерть суке... пусть сдохнет». Карл казнит эту дрянь, как только узнает, что Морган Ламберт взял в оллы Элизабет Блэр.

До последнего надеялась, смотрела, как полыхает та, что украла сердце ее мужа, плоть его украла, душу, всего его отобрала себе, и молила дьявола довести дело до конца, сжечь гадину, превратить в пепел ее тело, в тлен ее волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.